

— Сюн-фулан, посмотрите, сгодится ли? — спросила молодая жена Цай Сюэ, чья девичья фамилия была Ли, а в деревне её звали просто Ли-да-няньцзы — жена старшего Ли.

Эту девушку нашла Чжан-апо, и надо сказать, глаз у неё был верный — рукоделие у Ли-да-няньцзы было на загляденье: шов к шву, аккуратно и плотно.

Она выбрала подшивать края, а не прошивать подошвы: за подшивку платят меньше, но и сил требуется куда меньше, а дома у неё дел невпроворот. Если бы она выбрала подошвы, то и дело пришлось бы отвлекаться на хозяйство, и кто знает, сколько дней ушло бы на одну пару. А подшивку можно сделать за раз — закончила и пошла дальше делом заниматься, не боясь, что потом шов расползётся. Работала она быстро, с утра до ночи, и в день успевала сделать тридцать-сорок пар, что давало три-четыре вэня выручки.

Посмотрев на подготовленные материалы, Тан Шоу кивнул с удовлетворением и отдал ей восемь вэней — авансом и за работу. Ли-да-няньцзы взяла только четыре и прихватила с собой ещё немного материалов, чтобы продолжить дома.

Она и минуты не хотела терять зря — только бы поскорее добраться до дома, так что в спешке не заметила, как столкнулась с кем-то на пороге.

— Ай! — кто-то вскрикнул, пошатнулся и, ухватившись за стену, едва удержался на ногах.

Ли-да-няньцзы поспешно взглянула — оказалось, она налетела на бабушку Чжан. Она тут же шагнула вперёд, помогая той подняться:

— Бабушка Чжан, вы не ушиблись?

Бабушка Чжан не стала обращать на неё внимания — только пригнулась, чтобы поднять что-то с земли. Но её маленький внук уже опередил её и подал упавшее.

Бабушка бережно смахивала с обувной заготовки пыль, вся её поза, выражение лица — всё выдавало, с какой осторожностью и заботой она к ней относится. Лишь когда убедилась, что ткань чиста, она, наконец, обернулась к Ли-да-няньцзы:

— Ничего страшного, я, старуха, не из хрупких, от одного толчка не рассыплюсь.

Пока она говорила, Ли-да-няньцзы случайно бросила взгляд на обувную заготовку — и остановилась.

А бабушка Чжан уже и не смотрела в её сторону, поспешила вперёд, вынимая из-за пазухи подошвы, над которыми трудилась полдня. Мутные глаза её не выражали эмоций, но голос звучал с затаённой надеждой:

— Сюн-фулан, глянь, годится ли то, что я сделала?

Тан Шоу опустил взгляд на переданные ему заготовки. На подошвах было много следов от иглы — видно, что край при подшивке сбился, и нити пришлось не раз распарывать и прокладывать заново. Пожалуй, не дважды и не трижды — несколько рядов проколов выдавали, как сильно старалась мастерица, как тщательно переделывала, чтобы добиться приемлемого вида. Но, несмотря на все старания, полоска ткани, подшитая по краю подошвы, всё же пошла криво.

Пара тонких подошв в руках Тан Шоу вдруг показалась невыносимо тяжёлой под взглядом, полным надежды. Слова «не годится» застряли у него в горле и не желали срываться с языка.

Рядом стояли ещё несколько молодых женщин, спешивших сдать свою работу, но ни одна не осмелилась поторопить — все тихо ждали, как он отреагирует.

Под этим жгучим, ждущим взглядом Тан Шоу чуть было не кивнул — но в конце концов с болью в сердце покачал головой.

— Простите, бабушка, но подошвы не годятся, — произнёс Тан Шоу.

В одно мгновение свет в глазах бабушки Чжан погас. С тех пор как умер её муж и сыновья, зрение у неё заметно ослабло — всё двоилось и расплывалось, даже когда она штопала одежду внуку, стежки частенько выходили кривыми. Она знала о своей беде, но дома была такая нищета — потому ухватилась за возможность и всё же попробовала.

Губы её задрожали, будто она хотела что-то сказать, но в итоге лишь молча повернулась, взяв внука за руку, и медленно зашаркала к выходу.

— Бабушка Чжан, подождите! — окликнул Тан Шоу, бросился вперёд и вынул из кармана один вэнь — залоговую монету. — Это ваше.

Бабушка уже протянула было руку, но вдруг вспомнила что-то и остановилась:

— Мы ведь договаривались: если испорчу — вычтут из платы.

Сердце Тан Шоу болезненно сжалось, будто его ударили изнутри.

— Я посмотрел — подошва хоть и с браком, но нити можно распороть, и ткань ещё пригодна. Так что испорченной её не назовёшь. Залог вам полагается.

Лишь тогда бабушка Чжан приняла монету и поблагодарила. Сгорбившись, с зажатой в одной руке медной монеткой и внуком — в другой, она шаг за шагом уходила прочь, растворяясь в полуденном солнце.

Даже яркое полуденное тепло, казалось, не могло пробиться к этим двоим, не могло их согреть. Тан Шоу ещё долго смотрел им вслед, пока кто-то сзади не окликнул его по делу, и он, вздрогнув, пришел в себя.

Когда всех работников проводили, и в комнате остались только Тан Шоу с Сюн Чжуаншанем, Тан Шоу с горечью сказал:

— Муж, я... я хочу ей помочь.

Сюн Чжуаншань мягко обнял его:

— Хочешь помочь — значит, поможем.

Тан Шоу сказал:

— Муж, потом ты тихонько сходи к ней домой. Если получится — не попадайся людям на глаза. Я боюсь, как бы кто-то недобрый не увидел, что мы вновь её взяли на работу, не распустил слухов, не начал строить козни. Конечно, рано или поздно всё равно узнают, но если получится оттянуть — пусть это будет завтра, а не сегодня.

— Хорошо, я буду осторожен, — кивнул Сюн Чжуаншань. — Но ты скажи, что ей делать?

— Шитьё — точно нет. Она с этим совсем не справляется. Если мы начнём закрывать на это глаза ради жалости, это ведь не только на нашем деле скажется — это будет нечестно по отношению к покупателям. Люди платят хорошие деньги, и они вправе получить достойный товар. Наше сострадание не должно быть за их счёт.

Сюн Чжуаншань не до конца понимал, что означают некоторые слова, которые произнёс Тан Шоу, но суть он уловил, потому просто кивнул.

— Я подумал — поручить ей финальную утрамбовку подошв. Там глаза не так нужны, главное — сила, — продолжил Тан Шоу.

Хоть для этой работы и требовалась физическая сила, но вовсе не медвежья, как у самого Сюн Чжуаншаня: достаточно было просто уметь поднять молоток и отбивать подошву с достаточной твёрдостью.

Когда Сюн Чжуаншань пришёл к бабушке Чжан и объяснил, зачем явился, та едва не подпрыгнула от радости, а её маленький внук рассмеялся вместе с ней.

— Быстро, быстро кланяйся благодетелю, — воскликнула она, притягивая внука, чтобы они оба поклонились в землю. — Если бы не Сюн-эрлан, мы с тобой, милый, и зиму-то, поди, не

пережили бы...

Но Сюн Чжуаншань ловко увернулся от поклона. Он бегло огляделся — дом был со всех сторон продуваемый, в углу свалены хворост и ветки. Снаружи завывал северный ветер, и в доме было не теплее, чем на улице — всё такой же пронизывающий холод.

А ведь утрамбовка подошв требует, чтобы заготовки сначала вымачивали в воде, потом били молотком, а затем тщательно просушивали. В таком ледяном помещении вода тут же схватывалась льдом, только намочишь подошву — и она уже как камень. А попробуешь стучать по ней — не утрамбуешь, а раскрошишь в кашу. Сушить же при такой температуре — всё равно что не сушить: хоть весь зимний день грей, толку не будет.

К тому же у бабушки Чжан — одна старуха и ребёнок. Даже в тёплый день дрова наколоть — тяжело, не то что сейчас, в мороз.

Но Сюн Чжуаншань не стал выискивать, как бы ещё помочь. Они с его фуланом уже протянули руку один раз. Всё остальное — за ней самой.

Дают меру риса — благодарят, дают мешок — затаивают злобу. Помощь тоже должна знать предел.

Северный ветер выл, словно зверь, сдирая с лиц тонкий слой кожи. Сквозь эту стужу пробирался отряд торговцев и, наконец, вошёл в деревню Синьхуа.

— Простите, уважаемый, не подскажете, где живёт Сюн Чжуаншань?

Тан Лаосань, бросив взгляд на их одежду, повадки и манеру говорить, сразу догадался: пришли закупаться у семьи Сюн. В деревне все знали, что семья Сюн делает отличные зубные благовония и щётки. А недавно прошёл слух, что даже торговцы из столицы с ними сотрудичают — так что в этих визитёрах не было ничего неожиданного.

Он расплылся в улыбке и показал рукой:

— Видите там, впереди, у ворот табличка стоит? Это и есть их дом.

— Благодарим вас, уважаемый!

— Пустяки, пустяки, — замахал рукой Тан Лаосань, — теперь, чем лучше идёт дело у семьи Сюн, тем больше он радуется: ведь и его сын, и снохи работают у них, а значит, пока у семьи Сюн бизнес на подъёме — в доме Тан Лаосаня тоже есть заработок.

Провожая взглядом купцов, направившихся к дому семьи Сюн, он, заложив руки за спину,

зашагал домой, вполголоса насвистывая.

А купцы и правда были из столицы — именно зубной порошок и щётки и привлекли их сюда. Но стоило им услышать, что весь выпуск порошка уже передан на откуп семье Цзинь и что в столице он больше никем не реализуется, как лица у всех сразу потемнели.

Фамилия у всех этих крепких мужчин была Хао, и были они родственниками. В столице они держали небольшой бизнес. Как-то они случайно познакомились с высокопоставленным представителем местной знати, и услышав про «зубные благовония», сразу поняли — тут скрыт шанс. С большим трудом они разузнали, что это изделие родом из деревни Синьхуа, и вот, пройдя долгий путь, добрались... Только оказалось — зря: зубные благовония больше не продаются столичным купцам.

Если нельзя отвезти товар в столицу, они и братья особо не смели — в других местах ни лавок, ни связей, и никто не мог дать гарантии, что получится перепродать с прибылью. К тому же в каждом городе есть свои местные силы, а они, люди пришлые, боялись не только пролететь с делом, но и сами пропасть впустую.

А с семьёй Цзинь, да ещё и столичной, лезть в любовую они тоже не решались — и, похоже, эта поездка и правда была обречена на впустую. Дорога туда-обратно — расходов не оберёшься, а тут вон как всё обернулось... Несколько мужчин понурили головы, их лица потемнели — полные усталости, холода и разочарования.

А Тан Шоу в это время внутренне буквально потирал руки от радости — как говорится, только захотелось поспать, как поднесли подушку. Деньги сами идут в руки. Он бросил Сюн Чжуаншаню взгляд, и тот, поняв знак, неторопливо вышел вперёд. На ногах у него были совершенно новые, сшитые в несколько слоёв, хлопковые сапоги с толстой подошвой.

Глаза столичных купцов сразу зацепились за них. Хороших вещей они повидали много, сами носили дорогие кожаные сапоги — но таких тёплых, многослойных хлопковых башмаков ещё не видели. С одного взгляда становилось ясно — в таких ноги точно не мёрзнут.

Тан Шоу с большим удовольствием наблюдал, как эти надменные купцы из знатных родов с видом деревенщин рассматривают то, чего прежде не видели. С выражением нескрываемого довольства он сказал:

— Господа, проделали такой путь — заходите, отдохните с дороги. А уж если с зубными благовониями не получится, можем заняться чем-то другим. Бизнес — дело широкое, у меня здесь новинок хватает.

Те сразу поняли, что речь теперь о новых моделях хлопчатобумажной обуви. В столице такого не продавали, и носить никто не носил — так почему бы не закупить партию? Всё лучше, чем уехать с пустыми руками.

Братья Хао вошли в гостевую комнату вслед за Тан Шоу. Тот принёс каждому по чашке горячей воды с сахаром. Тёплая, сладкая вода быстро разогрела застывшую кровь в жилах, и мужчины заметно приободрились. Не откладывая, они сразу спросили:

— Сюн-фулан говорит про вот такие ватные сапоги, как на ногах у господина Сюн-эрлана? Сколько стоят? Это, выходит, только у вас такие?

— Можете не сомневаться, — с улыбкой ответил Тан Шоу. — На данный момент — да, только у нас.

Он не стал вдаваться в подробности и просто вынес готовую пару, чтобы показать.

Очарование многослойных сапог — в подошве: она плотная, тёплая, хорошо держит форму, и при ходьбе по холодной земле почти не пропускает промозглый холод снизу.

Хао Чуньшэн засунул руку внутрь сапога и сразу понял — вещь отличная. Вежливо извинившись, он снял с ног свои кожаные сапоги и примерил предложенную пару с тысячслойной подошвой.

Размер этих сапог был сделан не по ноге кого-либо из деревенских, а по типовой колодке, которую Чжан-апо вывела на основе собственного многолетнего опыта: она шила обувь многим мужчинам и точно знала, как определить средний мужской размер.

Пара, которую дал Тан Шоу, была чуть великовата — Хао Чуньшэн надев её, сразу понял, что на размер больше. Но даже так обувь пришлась ему по душе. Удобно, подошва плотная, и стоило только ступить, как холод земли уже не чувствовался — в ногах сразу стало тепло и уютно.

— Чуть великоваты, но это даже к лучшему. Надену ещё пару носков — с этими многослойными сапогами будет тепло как в печке, — заметил он и, даже не дожидаясь пояснений о преимуществах, сам спросил: — Почём такая обувь? Сколько у вас пар есть? Заберу все.

Увидев, как брату понравились сапоги, Хао Чуньминь тоже не удержался — поспешил примерить пару. Только вот у него нога была меньше, и сколько он ни примерял — ни одна пара не подошла.

Он с досады ударил себя по лбу:

— Ну как так! Почему мне ни одна не в пору? Почему у старшего брата сразу подошли?

Хао Чуньшэн расхохотался и, указав на брата, начал подтрунивать:

— Потому что у твоего старшего брата — мужская нога! А у тебя, здорового мужика, ножки как у девчонки. Да ты, мне кажется, вообще с полом ошибся — был бы ты шуаньэр, тебе бы подошло куда больше!

Когда мать Хао Чуньминя вынашивала его, у неё была тяжёлая беременность — от всего воротило, ела плохо, толком не питалась, и в результате он родился слабее других братьев. Вырос капризным и хрупким, не уступая шуаньэрам, за что его братья то и дело дразнили.

Хао Чуньминь злился, глядя на старшего брата во все глаза — казалось, что те вот-вот выкатятся из орбит. Но братья Хао даже внимания не обратили: продолжали гоготать от души, в голос, без тени стеснения. Настоящие открытые, простые мужики.

Хао Чуньшэн, не обращая внимания на сердитого брата с раздутыми ноздрями, повернулся к Сюн Чжуаншаню и сказал:

— Не знаю, возможно ли, чтобы эти сапоги тоже продавались только мне? Разумеется, я имею в виду территорию столицы.

Он не слишком знал, как устроено у семьи Сюн, и решил, что распоряжается делами, как водится, сам глава — то есть мужчина.

Но Сюн Чжуаншань и не думал смущаться. Ни капли не считая странным, что таким делом заведует его фулан, он совершенно естественно кивнул в сторону Тан Шоу и сказал:

— В деловых вопросах у нас главный мой фулан. Спрашивайте у него.

Слова эти прозвучали для Хао Чуньшэна как гром среди ясного неба. Он сроду не видел такого мужчины — чтобы в доме главенствовал не он сам, а супруг, и чтоб он ещё открыто, без тени стыда, с гордостью это произносил! Да разве ж не боится, что его за это засмеют, обзовут «белым личиком»*?

(ПП: содержанец, альфонс)

Но уже в следующую секунду выражение его лица вновь стало спокойным, будто ничего особенного и не прозвучало. Словно всё это — обыденность, не стоящая удивления.

<http://bllate.org/book/13592/1205364>